

Именно письмо князя Б** из Петербурга побуждает действовать Марию Ивановну Мионову. Девушка догадывается о благородных причинах молчания жениха во время следствия; и, «будучи уверена, что [он] мог бы оправдаться, когда бы только захотел», Мария решает ехать в Петербург «искать покровительства и помощи у сильных людей».

Прошение Маши Мионовой к Екатерине II играет решающую роль в окончательной развязке повести. Сцена разворачивается «на глазах» у читателя: мы видим, как девушка подаёт сложенное письмо императрице, разговаривающей с ней инкогнито; следим за Екатериной, когда она читает бумагу про себя, сначала благосклонно, потом резко переменяясь в лице. Выслушав горячие объяснения девушки, государыня выражает надежду на скорый ответ (то есть, учитывая статус инкогнито, по существу признаёт аргументы Марии). Действительно, просительницу очень скоро вызывают во дворец, где Екатерина, уже в статусе императрицы, вручает ей письмо для будущего свёкра и обещает устроить её состояние.

Сцена чтения письма Екатериной предвещает действенность послания. Быстрый ответ императрицы на прошение Марии Мионовой

(в символах «почтового кода») подчёркивает силу характера юной героини повести, фиксируя высоту авторской оценки. С другой стороны, записка императрицы, адресованная Андрею Петровичу Гринёву, «дезавуирует» послание петербургского князя Б** и окончательно замыкает круг событий, начатых фатальным решением Гринёва-старшего написать в Оренбург.

В заключении Издателя Пушкин вновь возвращается к записке Екатерины, вводя мотив письма-реликвии. В последних строках повести читатель узнаёт, что бумага хранилась у потомков Гриневых «за стеклом и в рамке» и что в ней содержалось «оправдание его сына и похвалы уму и сердцу дочери капитана Мионова».

Можно ли в мотиве письма-реликвии, следуя логике его употребления в других произведениях⁴, усмотреть у Пушкина оттенок грусти о закате дворянских родов, об ушедшем золотом веке правления Екатерины II? Некоторые основания для этого есть. Из текста повести следует, что имение было разделено между наследниками: «В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам». Это на первый взгляд незначительное упомина-

ние о разделе имения соотносится с эпизодом из отрывка «Гости съезжались на дачу...» — разговором испанца и русского об аристократии. «Занимаясь вашими законами, — говорит иностранец, — я вижу, что наследственной аристократии, основанной на *неделимости имений*, у вас не существует» (курсив наш. — С.К.). Далее между персонажами следует дискуссия, суть которой в современных терминах можно выразить как проблему неукоренённости и нестабильности российской элиты. Таким образом, анализируя роль небольшой детали (письма-реликвии), можно предположить, что в конце повести «Капитанская дочка» слышны отголоски глубоких размышлений Пушкина о судьбе дворянских родов и, соответственно, о механизме воспроизводства российской элиты.

Таким образом, анализ мотива письма в повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» позволяет заметить определённую систему в его использовании. Различные формы реализации мотива подсказывают читателю интерпретацию сюжета, помогают расставить акценты в характеристике персонажей, а также способствуют пониманию основных идей произведения в целом.

⁴ Мотив письма-реликвии возникает у Пушкина, видимо, в связи с сожалением о невозвратном прошлом, грустью о несбыточном. Татьяна плачет над письмами Онегина, веря в то, что «счастье было так возможно, так близко!». Сам автор, завершая роман в стихах, тоскует о промчавшихся днях («А та, с которой образован Татьяны милый идеал... О много, много рок отъял»), при этом читатель уже давно знает, что именно автор хранит письмо Татьяны Онегину. Дубровский, принимая решение сжечь утраченный родной дом, выносит единственную реликвию — письма матери.

ЧЕРНИКОВ Анатолий Петрович —

доктор филологических наук, профессор Калужского государственного университета им. К.Э.Циолковского, член Союза писателей России
literash@mail.ru

ЕГО «ДВУСМЫСЛЕННАЯ СЛАВА» И «НЕДВУСМЫСЛЕННЫЙ ТАЛАНТ»

ПОЭТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления и развития творческой индивидуальности Игоря Северянина, проблематика, художественное своеобразие его произведений, роль и место в поэтическом процессе XX столетия.

Ключевые слова: проблематика, эволюция творчества, жанрово-стилевые искания.

Abstract. The article is devoted to the main stages of formation and development of creative individuality of Igor Severyanin; problems, artistic originality of his works, his role and place in the poetic process of XXth century.

Keywords: perspective, evolution of the art, genre and style quest.

Игорь Северянин — один из наименее исследованных поэтов Серебряного века. В советском литературоведении сложился устойчивый миф о Северянине как о поэте весьма низкого эстетического уровня. А между тем И.Северянин — «поэт милостью Божьей», «истинный поэт», по выражению В.Брюсова. Без его творчества невозможно представить полную картину развития русской поэзии начала XX века.

Игорь Васильевич Северянин (настоящая фамилия — Лотарёв) родился 4 (16) мая 1887 года в Петербурге в потомственной дворянской семье. Мать его, дочь предводителя дворянства Шигровского уезда Курской губернии, Н.С.Шеншина, — родственница Афана-

сия Фета и Н.М.Карамзина, была начитанной женщиной, рано приобщившей сына к художественной литературе. Брак со штабс-капитаном Василием Лотарёвым не принёс ей счастья. Любивший развлечения муж мало уделял внимания семье. В 1896 году родители будущего поэта разошлись, и Василий Петрович увёз мальчика к своим родственникам в Череповецкий уезд Новгородской губернии. Здесь Игорь Лотарёв прожил около семи лет, учился в Череповцеком реальном училище. В 1904 году он возвратился к матери в Гатчину, под Петербург. Но годы, проведённые в имении дяди, на берегу полноводной реки Суды, будут вспоминаться ему как одни из самых счастливых.

О Суды! Голубая Суды,
Ты внучка Волги! Дочь Шексны!
Как я хочу к тебе отсюда
В твои одебранные сны!.. —

так в конце жизни вспоминал поэт о своём детстве. Любовью к Русскому Северу был обусловлен выбор поэтом псевдонима — Северянин, ставшего затем фамилией.

Писать И.Северянин начал ещё в Череповце. Первые его стихи подражательны. В них мы находим надсоновское обращение к «усталому духом» собрату («Гатчинская мельница»), переключку с поэзией народников («Что видели птицы...»). Уже в юности Северянин определил круг своих литературных

*И полный нежности и ласковой тоски,
Благоуханные целую лепестки.*

Его волнует окружающая природа, для описания которой поэт находит немало свежих сравнений, красок и ассоциаций:

*Выйди в сад... Как погода ясна!
Как застенчиво август увял!
Распустила коралл бузина,
И янтарный боярышник — вял.*

*Скоро осень окутает сном
Тёплый садик, дождём оросив,
А пока ещё — зелень вокруг,
И вверху безмятежная синь...*
(«Выйди в сад»)

Ритмически звучные, лиричные стихотворения Северянина наполнены искренней любовью к дорогим его сердцу российским просторам. Таково его стихотворение «Русская» (1910) с опозитивированными автором приёмами деревенского быта:

*Хорошо гулять утрами по овсу,
Видеть птичку, лягушонка и осу,
Слушать сонного горлана-петуха,
Обменяться с дальним эхом: «ха-ха-ха!»*

Пейзажная лирика Северянина приобретает подчас философскую направленность, выявляя его взгляды на смысл бытия:

*Жить для меня — вдыхать сирень,
В крещенский снег стремиться к маю,
Благословляя новый день...*
(«Стихи в ненастный день»)

Тема любви и тема природы нередко в стихотворениях поэта образуют единое целое, определяя радостное восприятие лирическим героем многообразия окружающего его мира. Олицетворением этого дорогого для него мира являются «весна» и «сирень» — два основных архетипа северянинской поэзии. Весна, которая пробуждает человека и природу к жизни, и сирень, которая выступает как самый яркий символ этого пробуждения.

В марте 1913 года вышел из печати первый поэтический сборник И. Северянина. Поэт назвал его словосочетанием из известного стихотворения Ф.И. Тютчева «Весенняя гроза» — «Громокипящий кубок», подчеркнув тем самым преемственность многих помещённых в нём стихотворений с классической традицией. Сборник был одобрительно встречен читательской публикой и многими известными поэтами — представителями разных течений. К 1915 году «Громокипящий кубок» выдержал девять переизданий. Такого успеха до сих пор в России не имела ни одна поэтическая книга.

Большую роль в творческой судьбе Северянина сыграл в эти годы поэт Фёдор Сологуб. «Нечаянной радостью» назвал Сологуб появление книги И. Северянина. Поясняя свою мысль, он писал: «Когда возникает поэт, душа бывает взволнована... Я люблю стихи Игоря Северянина... Я люблю их за лёгкое, улыбочное происхождение. Люблю их потому, что они рождены в недрах дерзающей, пламенной волею упоённой души поэта. <...> Воля к свободному творчеству составляет ненарочную и неотъемлемую стихию души его, и поэтому явление его — воистину нечаянная радость в серой мгле северного дня»².

Как культурное событие расценил выход сборника Н. Гумилёв. В статье «Письма о рус-

ской поэзии» он писал: «Игорь Северянин — действительно настоящий поэт... Что он поэт, доказывает богатство его ритмов, обилие образов, устойчивость композиции, свои, остро пережитые темы»³.

Любопытна также реакция на книгу Северянина Александра Блока, который вначале относился к стихотворениям автора «Громокипящего кубка» весьма прохладно. Прочитав сборник, Блок сделал в дневнике следующую запись: «Отказываюсь от многих своих слов, я преуменьшал его... Это — настоящий, свежий, детский талант»⁴.

И действительно, многие стихотворения сборника ярко, свежо и непосредственно передают радостную атмосферу весны, цветения, обновления мира:

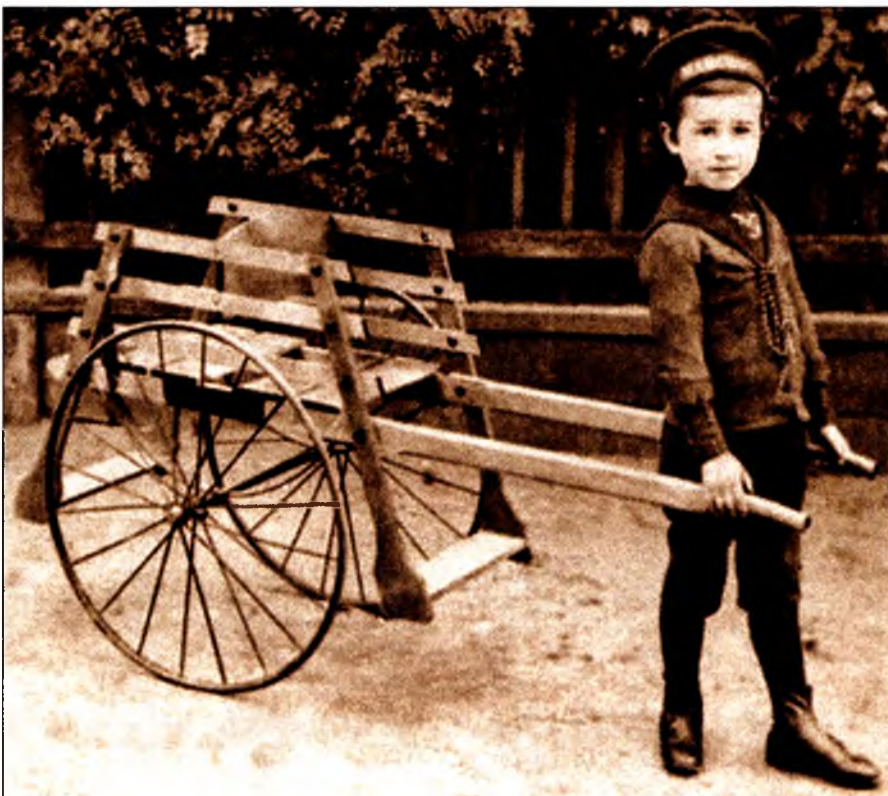
*Душа поёт и рвётся в поле
Я всех чужих зову на ты...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!*
(«Осенний день»)

Одна из главных тем сборника — тема любви. Она раскрывается в ряде стихотворений, многие из которых стали романсами: «Не улетай!», «Соната в шторм», «Посвящение», «Её монолог», «Кензель» и др. В них рыцарское преклонение перед женской красотой и изяществом, поэтизация чувственной страсти.

Женщина в поэзии Северянина — воплощение изысканности, утончённости, экстравагантности. Для её изображения поэт находит смелые, неожиданные метафоры и эпитеты, призванные подчеркнуть глубину чувств лирического героя, например, в стихотворении «В лимузине» (1910) ощущение элегантности и неотразимости юной дамы выражено следующим образом: «Она вошла в моторный лимузин, / Эскизом кавалере».

Выход сборника «Громокипящий кубок» сделал имя И. Северянина известным по всей России. Его стихи охотно печатают крупнейшие газеты и журналы; «поззоконцерты», которые устраивал автор, ломались от восторженной публики, а портреты украшали и будуары светских дам, и скромные комнатки гимназисток. По свидетельству И. Бунина, Северянина «знали не только все гимназисты, студенты, курсистки, молодые офицеры, но даже многие приказчики, фельдшерницы, коммивояжеры, юнкера»⁵. Когда в феврале 1918 года в переполненном зале Политехнического музея состоялись выборы короля поэтов, им оказался Игорь Северянин. Второе место занял В. Маяковский, третье — К. Бальмонт. Относиться к этому факту слишком серьёзно не следует (вкусы публики, как известно, капризны и изменчивы), но и не брать в расчёт тоже нельзя.

Популярности поэта способствовало и то, что он сам читал свои стихи. Его творческие вечера, которые проходили в Петербурге, Москве, Харькове, Тифлисе, Одессе, Ростове-на-Дону, Курске, Твери, Саратове, Минске, Пскове и других городах России, собирали толпы поклонниц, которые забрасывали своего любимца цветами. «Я знаю гром рукоплес-

Игорь Лотарёв в детстве

каний / Десятков русских городов», — признаётся позднее поэт. По словам Б. Пастернака, Северянин «повелевал концертными залами и делал полные сборы с аншлагами».

Современники, видевшие и слышавшие его выступления, рассказывали, что он исполнял свои стихи подчёркнуто отстранённо, не вступая в контакт с публикой, читал распевно, так, что чтение превращалось в пение. Закончив выступление, Северянин быстро уходил со сцены, не удостоивая слушателей даже взглядом, несмотря на их восторги.

В 1914—1916 годы выходит ряд новых поэтических сборников Северянина: «Златолира» (1914), «Ананасы в шампанском» (1915), «Поэзоантракт» (1915), «Тост безответный» (1916) и другие. В художественном отношении произведения, в них входящие, не ровны. Критика отмечала известную манерность, экстравагантность, поверхностную изысканность некоторых его произведений, надуманность метафор, эпитетов типа «грёзы кларнета», «шампанский полонез» и др. Океан у него «плещется десертно, — совсем мускат — люнельно».

Конечно, для поддержания популярности Северянину поневоле приходилось некоторые произведения создавать на потребу публике. Подчас его стихотворения носят характер своеобразного лубка — сознательно наивного, но красочного, экзотично яркого, уводящего в мир мечты. Лубочность была в духе времени. Ещё в большей степени, чем поэзии, она присуща тогдашней живописи: картина Анри Руссо, Пирсманни, раннего Пикассо. Лубочность рождала праздничность, яркость, радостное настроение, и поэтому многие читатели и зрители приняли её.

И всё-таки не лубочность определяет главное в творчестве Игоря Северянина. Доминантой его поэзии являются стихи, покоряющие большим лирическим чувством и мастерством формы, что и было отмечено истинными ценителями художественного слова. В 1916 году с большой статьёй о Северянине выступил В. Брюсов. Отметив неровность его творчества, он вместе с тем подчеркнул: «...Игорь Северянин — истинный поэт... Это — лирик, тонко воспринимающий природу и весь мир и умеющий несколькими характерными чертами заставить видеть то, что он рисует. Это — истинный поэт, глубоко переживающий жизнь и своими ритмами заставляющий читателя страдать и радоваться вместе с собой. Это — ироник, остро подмечающий вокруг себя смешное и низкое и клеймящий это в меткой сатире. Это — художник, которому открылись тайны стиха и который сознательно стремится усовершенствовать свой инструмент, “свою лиру”, гоня по-старинному»⁶.

Действительно, лучшие произведения Северянина отличаются большой напевностью, музыкальностью и своеобразным лиризмом. Его стих тяготел к романсу и часто основывался на унаследованном от Бальмонта подхвате и повторении отдельных слов и целых фраз, составных и внутренних рифмах, ассонансах и аллитерациях.

Северянин удивлял читателей и слушателей обилием — и неологизмов, которые, несмотря на свою причудливость (например, «сюрпризетки», «грезерка»), в основном не нарушали норм русского языка, а некоторые из них прижились в речи: «бездарь», «угрюмец» и др. Он любил составные слова, глаголы и существительные с приставками «без» и «о». Поэт охотно их придумывал и использовал в своём творчестве: «грёзофарс», «плут-глазка», «златоструйный», «озкранить», «отуфлить», «осоловить», «безгрёзье», «безнадежье» и т. п.

Но и к привычным словам поэт подбирал свежие эпитеты, что тоже придавало его произведениям привлекательность и элегантность: «на реке форелевой», «ты пришла в шоколадной шаплетке», «палевые дороги», «уста твои — чайруные новеллы» и т. п. И Северянин первым среди поэтов использовал в стихах новые слова и понятия, обозначавшие реалии XX века: «кинематограф», «мотоцикл», «авто», «дирижабль», «экспресс», «аэроплан» и др.

Проявил себя Северянин как незаурядный художник-экспериментатор и в области формы стиха. Им было изобретено десять строфических форм: миньонет, дизель, квадрат квадратов и др. Об оригинальности и виртуозности созданных Северяниным поэтических форм может свидетельствовать стихотворение «Квадрат квадратов», в котором слова первой строки первого четверостишия повторяются в первой же строке второго, третьего и четвёртого четверостиший, но в другом порядке. То же происходит со второй, третьей и четвёртой строчками.

Он актуализировал в русской поэзии такой вид стиха, как кензель (стихотворение из трёх пятистиший).

И Северянин — автор нескольких стихотворных поэм («Падучая стремнина», «Роса оранжевого часа»), а также двух автобиографических романов в стихах «Колокола собора

чувств» и «Рояль Леандра», сознательно сорентированных на творческий опыт автора «Евгения Онегина». В них представлена широкая панорама общественной и художественной жизни России начала XX века, обстоятельно рассказано «о времени и о себе». А. Амфитеатров называл Северянина «гением подражательности». Но дело в том, что поэт не столько подражал, сколько играл. Формально входя в поэтическую группу так называемых эгофутуристов, он в своём творчестве органично ассимилировал и формализм символистов, и стремление к точности в изображении предметного мира, к сюжетному повествованию акмеистов, и попытки обновить поэтический язык кубофутуристов. О своей эстетической позиции Северянин заявлял вполне определённо: «Поиски нового без отвергания старого»⁷, то есть традиций русской поэтической классики. В этом состояло принципиальное отличие И. Северянина от кубофутуристов, призывавших «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и прочих с парохода современности», бороться с «парфюмерным блудом Бальмонта» и вымыть руки, «прикасающиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми».

Поэт весьма скептически отнёсся к Октябрьской революции, не приемля кровопролития, жестокости, разрушений ни с той ни с другой стороны:

*Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не материи! Ах, не цветы!
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты...*
(«Крашенные»)

В начале 1918 года Игорь Северянин вместе с больной матерью переехал на жительство в эстонский посёлок Тойла. В феврале 1920 года Эстония объявила себя самостоятельной республикой, и поэт оказался за рубежами родины, что стало для него до конца жизни подлинной трагедией.

Памятный камень на могиле И. Северянина

В декабре 1921 года Северянин женился на поэтессе и переводчице Фелиссе Круут, с которой они прожили вместе 15 лет. Круут Северянин посвятил свои лучшие стихотворения о любви: «Отличной от других», «Что за счастье», «Увертюра» и др.

Стихотворения Северянина 1920—1930-х годов наполнены острой тоской по родине. Он любил и Россию, и Эстонию. Но его не признавали ни в буржуазной Эстонии, ни в революционной России. Это терзало его душу. В стихотворении «Утомлённый душой» (1919) Северянин пишет:

*Моё одиночество полно безнадежности,
Не может быть выхода душе из него,
Томлюсь ожиданием несбыточной нежности,
Люблю подсознательно — не знаю кого.*

Поэт-гуманист призывает к взаимопониманию, любви, милосердию. Возможность достижения этих идеалов он видел не в социальной борьбе, а в вере. Путь Северянина к православию был нелёгким: лишь в конце 1920-х годов в творчестве поэта появляются произведения, в которых звучат религиозные мотивы:

*Не устыдись, склонив свои колени,
Благодарить в восторге небеса,
Что зришь ещё один расцвет сирени
И слышишь птиц весенних голоса, —*

обращается он к современникам в стихотворении «Не устыдись...». Подобными мыслями и настроениями окрашены его стихотворения «Второе пришествие», «На монастырском закате», «Молитва», «На колокола», «Земное небо» и другие.

В 1920—1930-е годы существенно меняется стиль поэзии И. Северянина. Словообразовательные экстравагантности практически полностью исчезают из его стихотворений, уступая место классической простоте и ясности. Своё поэтическое кредо Северянин выразил в следующих словах:

*Величье мира — в самом малом.
Величье песни — в простоте.
Душа того не понимала,
Не распятая на кресте.*
(«Возрождение»)

Основная тематика его творчества этих лет — тема Родины, человек и природа, тема любви, воспоминания о прошлом, раздумья над собственной судьбой.

Особое место в его поэзии занимает тема утраченной России. «Нет, я не беженец и я не эмигрант — / Тебе, родительница, русский мой талант, / И вся душа, вся мысль моя верна / Тебе, на жизнь меня обрѣкшая страна».

Вторая половина 1930-х годов — время резкого индустриального подъёма Советского Союза. И те из эмигрантов, кто оказался способным объективно осмыслить всё то положительное, что происходило на их родине, не могли этого не оценить. В их числе был и

И. Северянин. Вот его поэтическое признание 1936 года:

*От гордого чувства, чуть странного,
Бывает так горько подчас:
Россия построена заново
Другими, не нами, без нас.*

*Уж ладно ли, худо ль построена,
Однако построена всё ж:
Сильна ты без нашего воина,
Не наши ты песни поёшь.*

*И вот мы остались без родины,
И вид наш и жалок, и пуст,
Как будто бы белой смородины
Обглодан раскидистый куст.*

Это стихотворение «От гордого чувства, чуть странного...» — щемяще-грустная песнь всей честной, политически незаангажированной русской эмиграции.

Многие произведения Северянина дышат верой в близкое воскресение любимой страны, которая уже не раз, казалось, умирала, но всё же «возрождалась вновь»:

*Когда народ смолкал сурово
И, осиротелый, слеп от слѣз,
Божьей волей воскресала снова, —
Как весна, как Солнце, как Христос, —*

пишет он о России в стихотворении «Предвоскресье». Источник возрождения России поэт видит не в подражании Западу, а во внутренней, духовной силе русского народа («Стихи о Москве», «Колыбель культуры новой»).

Жизнь Северянина в Эстонии была сопряжена с большими материальными трудностями. В письме к болгарскому литератору С. Чукалову он писал: «Мы уже вторую неделю питаемся картофелем с крупной, кристалликами, солью... Вокруг звереющий буржуазный мир и убивающее душу равнодушие»⁸. Отвратительное «мурло» этого мира поэт клеймит в своих стихотворениях:

*Чем эти самые живут.
Что вот на паре ног проходят?
Пьют и едят, едят и пьют —
И в этом жизни смысл находят...*

*«Живут себе»... И имя Блок
Для них, погрязших в мерзком блюде, —
Бессмысленный, нелепый слог...*

Чтобы как-то поправить материальное положение, поэт совершает ряд гастрольных поездок за границу. Он побывал в Варшаве, Софии, Белграде, Берлине, Париже. И везде его публичные выступления пользовались неизменным успехом. Надежда Тэффи так писала о его выступлении в Париже 12 февраля 1931 года: «Это был удивительный вечер! Чудесный! И чудо его было в том, что пришли люди, собрались в зале, сколько он вместить мог, на эстраде стоял

поэт. Поэт говорил о нежной любви, о рыбацкой лодке, о девушке с русой косой, об окунях и форелях.

Публика пришла послушать вычурные поэмы о ликёрах, шелках и принцессах, потому что поэт — Игорь Северянин, и первые строфы его новых стихов как-то удивили.

Потом перестали удивляться и ушли вслед за ним к далёкому морю, к тихой, бедной и ласковой жизни. В антракте говорили:

— А ведь он гораздо лучше прежнего!
— Потому что он прост.
— Потому что он нежен.
— Потому что он глубок.

Были взволнованные лица и омытые ясной мечтой глаза...»⁹.

Несмотря на материальные трудности, Северянин в 1920-х и начале 1930-х годов много писал и выступал как переводчик. Он познакомил русского читателя с эстонскими поэтами, создав антологию эстонской поэзии за сто лет, с 1803 по 1903 год.

Важнейшими в позднем творчестве поэта стали сборники стихотворений «Классические розы» и «Медальоны». В первом из них, помимо темы Родины, большое место занимает тема любви. Весь любовный цикл этого сборника, состоящий из 22 стихотворений, повествует о «женщине с певучими глазами» — Фелиссе Круут. «Ты совсем не похожа на женщин других, / Потому мне и стала женою», — таков лейтмотив этого цикла. Цикл о Круут можно поставить в один ряд с любовной лирикой Данте и Петрарки, с «денисьевским циклом» Ф. Тютчева, со «Стихами о Прекрасной Даме», циклами «Фаина» и «Кармен» А. Блока.

Состоящий из ста произведений сборник сонетов «Медальоны» посвящён деятелям культуры разных стран и времён: русским писателям-классикам Пушкину, Некрасову, Лескову и др.; западноевропейским мастерам культуры Байрону, Бетховену, Шекспиру, Мопассану и др.; писателям-современникам Горькому, Маяковскому, Шмелёву, Куприну, Есенину, Ахматовой и др.

Обыгрывая биографические моменты, особенности творческой манеры, названия произведений, их отдельные строки, Северянин кратко, но ёмко воссоздает облик того или иного героя своих произведений, деятеля культуры.

Предметно-смысловая сторона «медальонов» — лирические образы деятелей культуры — окрашена экспрессивным пафосом, выражающим отношение автора к своим героям. Её особенностью является соединение в каждом произведении с помощью образных языковых средств нескольких поэтических миров: внутреннего и художественного миров героя сонета, объективной действительности, то есть культурного контекста времени, в котором действует персонаж, и мира автора, который предстаёт и как поэт, и как поклонник либо как критик творчества того или иного деятеля искусства. Так, в сонете «Дюма» первая часть его изображает мир автора-читателя («Дни детства. Новгородская зима / Листы томов, янтарные, как листья»),

а во второй воссоздан мир персонажей Дюма («Захватывающая кутерьма / Трёх мушкетёров, участь Монте-Кристо»), который взаимодействует с миром автора-читателя и в воображении которого черты героев Дюма переносятся на их создателя («Ты — рыцарство, ты — доблесть бескорыстья, / Блистательнейший Александр Дюма...»). Подобным образом строятся и другие «медальоны», что придаёт им живость и изящество.

Характерная черта «Медальонов» — чёткость и афористичность мысли. Автор широко прибегает к неологизмам, инверсии, стремясь подчинить развитие поэтической мысли строгим рамкам жанра.

Есть в сборнике «Медальоны» и сонет, посвящённый самому Северянину. В нём

вновь предпринята попытка открыть себя читателям, изменить создавшееся о нём мнение: «Он тем хорош, что он совсем не то, что думает о нём толпа пустая».

В 1930-е годы Северянин много и долго болел. Но в мыслях своих он всегда был в России и с Россией.

*За годом год. И с каждым годом
Всё неотступней, всё сильней
Влечёт к себе меня природа
Великой родины моей, —*

писал он в стихотворении «За Днепр обидно».

В 1935 году Северянин расходится с Круут. Но новая женитьба не принесла поэту душевного успокоения. Напротив, он терза-

ется сознанием совершенной ошибки, пребывает всё исправить, но тщетно. Неудачи постигают его и на поэтическом поприще: книги его выходят малыми тиражами, практически не приносят средств к существованию. Он вынужден ходить по дачам и продавать рыбу и книги своих стихов с автографом. Резко ухудшается здоровье поэта. 22 декабря 1941 года, в первый, тяжелейший год войны, И. Северянин умер в оккупированном Таллине.

Когда-то, в 1925 году, подхватывая и по-своему переиначивая мотивы известных стихотворений А. Мятлева и И. Тургенева, Северянин писал:

*...Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб.*

Страна, увы, не бросила розы в гроб Северянина: шла кровопролитнейшая война. В последний путь его провожали всего несколько человек. Он умер почти забытым. И только сейчас его поэзия по праву возвращается к нам, ибо Игорь Северянин не только заслужил, но и выстрадал теперь уже не «двусмысленную», а добрую славу и память.

С ЮБИЛЕЕМ!

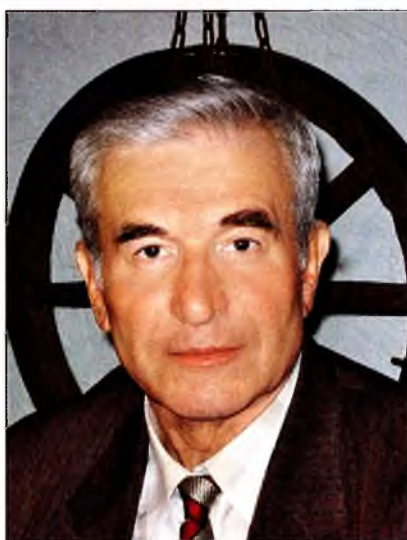
Нашему давнишнему автору — **Анатолию Петровичу Черникову** — в январе исполнилось 75 лет. За плечами большая, наполненная трудом и творчеством жизнь.

Родился А.П. Черников в Тульской области в крестьянской семье через полгода после начала войны. Раннее детство поглотила война, принёсшая голод и сиротство: отец, командир танкового взвода, погиб в Восточной Пруссии за два месяца до победного мая.

Дальше судьба складывалась, как у многих сверстников: окончание школы, колхоз, работа киномехаником, служба в армии, институт...

Наверное, не случаен выбор филологического факультета Калужского государственного педагогического института им. К.Э. Циолковского. Как многие сельские ребята, любил книги. Читая их, уносился в своём воображении в прошлое и будущее, представлял себя на месте любимых героев. Вспомним, что такие известные писатели, как В.Г. Распутин, В.И. Лихоносов, В.Н. Крупин, Ю.М. Поляков, В.Ф. Потанин и многие другие, тоже заканчивали филфак и, пусть недолго, но работали в школе. Учительский стол заменил и Анатолию Петровичу студенческую скамью. Запомнились уроки литературы молодого учителя его ученикам из Серено-Заводской школы Козельского района. Здесь попробовал он себя как журналист и краевед. Наверное, в школе пришло осознание своего пути: преподавать!

С 1968 года А.П. Черников работает (а правильнее сказать, служит любимому делу!) в родном КГПИ (с 2010 года — Калужском государственном университете). Профессор, доктор филологических наук, А.П. Черников посвятил себя изучению и пропаганде русской литературы. Он известен как исследователь творчества И.С. Шмелёва, литературы Серебряного века и русского зарубежья, автор двенадцати монографий, свыше двухсот научных работ, глубоких, интересных статей о творчестве писателей-современников: В.Г. Рас-

путина, В.П. Астафьева, С.Ю. Куняева, Б.Л. Васильева, Б.Ш. Окуджавы. Многие статьи Анатолия Петровича прочитаны подписчиками журнала «Литература в школе» и послужили основой запоминающихся, пронзительных уроков этих благодарных читателей-словесников. А.П. Черников — член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии «Отчий дом» им. И.В. и П.В. Киреевских. Российским фондом культуры он награждён памятной медалью «Иван Шмелёв».

Глубоко чтимый Анатолий Петрович! Нам радостно поздравить Вас с красивым юбилеем, с достижениями, с которыми Вы его встретили. Преданный русской литературе, Вы почти полвека посвятили ей. Низкий поклон Вам за верность жизненному призванию. Будьте здоровы, живите долго. А мы, Ваши читатели и почитатели, будем ждать новых статей, которые учат любить родную литературу, культуру, традиции, Родину, думать о прочитанном и видеть в творчестве дорогих Вам писателей живой творческий источник веры, надежды и любви.

*Редакция журнала
«Литература в школе»*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2182, оп. 1, ед. хр. 53, л. 21 об.
- 2 Звезда. — 1987. — № 5. — С. 168.
- 3 ГУМИЛЁВ Н. Письма о русской поэзии. — С. 185—186.
- 4 БЛОК А. Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 7. — С. 222.
- 5 БУНИН И. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1967. — Т. 9. — С. 298.
- 6 БРЮСОВ В. Ремесло поэта. — М., 1981. — С. 836.
- 7 Встречи с прошлым. — М., 1982. — Вып. 4. — С. 131.
- 8 Аврора. — 1987. — № 5. — С. 75.
- 9 Возрождение. — Париж, 1931. — 24 февраля. — С. 3.

ЛИТЕРАТУРА

1. ВАСИЛЕВСКАЯ И. «Он тем хорош, что он совсем не то, что думает о нём толпа пустая...» // Русский язык в школе. — 1991. — № 6.
2. Венок поэту: Игорь Северянин. — Таллин, 1987.
3. ГРЕКОВ В. «Вернуться в дом Россия ищет троп...» // Северянин И. Стихотворения. — М., 1990.
4. КОШЕЛЕВ В. Поэт с открытой душой // Северянин И. Стихотворения. — М., 1988.
5. Об Игоре Северянине: Материалы научной конференции. — Череповец, 1987.
6. ШАПОВАЛОВ М. Король поэтов. — М., 1997.